

М.И.Лапицкий
**МАССА И ВЛАСТЬ ПОД
 МИКРОСКОПОМ**

Элиас Канетти. *Масса и власть.*
 Москва, «Ad Marinem», 1997, 527 с.

«Судьба мира лежит в нас самих»
 П. Тейяр де Шарден

Взаимоотношение «масса – власть» – воистину проблема проблем XX в. Последнее столетие уходящего второго тысячелетия оставило немало трагических примеров поразительной покорности людей, безропотно убивавших себе подобных по приказу свыше, из страха или из преданности вождям и идеям. Доживающий век стал свидетелем ужасающих эксцессов необузданной власти, с корнем уничтожавшей любое свободолобие, любое инакомыслие. Миллионы и миллионы людей были принесены в жертву такой власти.

Все это, конечно, было и раньше, не в таких масштабах, но было. Еще в далеком прошлом была создана модель взаимоотношений «власть – масса»; впоследствии опытный образец превратился в рабочую систему. XX в. лишь отшлифовал, довел до совершенства то, что в иные времена существовало в зародыше. Пронизывая многообразие культур и обществ, установилась однотипная система власти, в которой личность утвердила себя, – власть вождей. За многие века власть прекрасно научилась использовать, эксплуатировать психологию масс, доведя искусство манипулирования ими, кажется, до совершенства.

Так, на наших глазах ускорился процесс *глобализации* масс, создания массы мирового масштаба. Расширились межнациональные сообщества с гигантскими образованиями городских конгломератов и многомиллионными рынками. Усовершенствовалась электронная и телевизионная сеть, которая, с одной стороны, связывает между собой людей, находящихся на огромных расстояниях друг от друга, а с другой, проникает в самые недра частной жизни отдельного человека. Наконец, политика в отношении этих мощных сообществ, успех которой во многом зависит от мультимедийных систем, в наше время в несоизмеримо большей степени, чем раньше, становится политикой массовой. Культ личности (сегодня его уже так не называют) из исключения становится правилом, а ослабление партий почти повсеместно укрепляет влиятельного лидера.

Проблема, пунктирно обозначенная нами, отнюдь не нова. Трудно, кажется, сказать что-то новое на эту старую как мир гему. И все же...

Российский читатель еще только начинает знакомиться с творчеством выдающегося австрийского писателя и мыслителя Элиаса

Канетти, долгое время жившего в Англии, о котором уже несколько десятилетий пишет и спорит литературный и научный мир. Канетти – автор нескольких романов, пьес, эссе, публицистики, путевых заметок, мемуаров – всемирно признанный писатель, удостоенный множества престижных австрийских и немецких литературных премий, лауреат Нобелевской премии 1981 г. в области литературы.

Но поистине выдающимся достижением Канетти стала книга «Масса и власть», над которой он работал несколько десятилетий. О зарождении идеи этой работы и значении ее в своем творчестве Канетти писал в дневнике так: «Вчера рукопись “Масса и власть” ушла в Гамбург. В 1925-ом, тридцать четыре года назад, явилась мысль о книге, посвященной массе. Однако действительный зародыш ее возник еще раньше: демонстрация рабочих во Франкфурте в связи с гибелью Ратенау; мне было семнадцать лет. С какой стороны ни взглянуть, все мое время жизнь была заполнена этой книгой, но с тех пор, как я живу в Англии, а значит, более двадцати лет, я, хотя и с трагическими перерывами, почти ни над чем другим не работал.

Стоило ли таких усилий? Оплатил ли я это многими другими произведениями? Что ж, я могу сказать. Я должен был делать то, что делал. Мной распоряжалась сила, которой мне никогда не понять.

Я вел разговоры об этом, когда не было еще ничего, кроме намерения написать это исследование. С величайшей амбицией я объявил о несуществующей еще книге, чтобы покрепче пристегнуть себя к ней. В то время, как все знакомые подталкивали меня к тому, чтобы я завершил ее, я не закончил ее ни часом раньше, чем представлялось мне верным. Лучшие друзья потеряли за эти годы веру в меня; все тянулось слишком долго, нельзя было сердиться на них за это.

И вот теперь я говорю себе, что мне это удалось: схватить наше столетие за горло»¹.

В своей последней фразе Канетти не хвастает, а скорее даже скромничает – ему удалось «схватить за горло» далеко не только XX в. Он сумел, пожалуй, постичь природу массы и природу власти любого времени.

Появившаяся на свет почти четыре десятилетия назад и ставшая классикой, книга Э. Канетти – произведение особого рода, стоящее на стыке литературы художественной и научной. С равным успехом ее можно отнести к разряду социологии, политологии, психологии или философии. Книга не вписывается ни в одну из этих дисциплин, и в то же время с успехом вписывается в каждую из них.

Применительно к политической науке метод Канетти можно было бы назвать чем-то вроде биологической (или антропологической) политологии или политологической биологии (или антропологии). Автор выступает в роли пытливого естествоиспытателя (недаром он изучал естественные науки в Венском университете), для которого человек самостоятельное явление, носитель ряда имманентных тенденций.

¹ Канетти Э.
Человек нашего столетия.
Художественная публицистика.
М., 1990.
С. 289–290.

С позиции Канетти-естествоиспытателя, организм остается постоянным по своей структуре, а генетические изменения его органов, форм и функций определяются воздействием среды обитания. С точки зрения развития внутренних эволюционных тенденций, эту среду можно считать фактором постоянным. В изображении Канетти человек именно таков – единица, элемент, составляющий стаи и массы. Человек этот предстает в книге в значительной степени в отрыве от той среды, в которой он обитает, а его эволюция – в виде замкнутого закономерного процесса. Если изречение английского писателя Александра Поупа: «Подлинный предмет истории человечества – сам человек»², понимать с антропологической точки зрения, то Канетти вполне мог бы подписаться под этими словами.

² *Цит. по:*
Хейзинга Й.
Об исторических
жизненных идеалах
и другие лекции.
Лондон, 1992. С. 63.

Книга Канетти далека от стандартов методики новоевропейской науки, да и вообще от штампов, клише, знакомых мыслительных схем. В этой связи уместно упомянуть об отношении австрийского мыслителя к философу классического образца. Последний напоминал ему такого человека, который пытается навести в доме порядок, для чего выбрасывает из дома свои вещи, причем не успокаивается до тех пор, пока не избавляется от всего.

Книга Канетти «Масса и власть» являет собой полную противоположность такой методики. Для него важна свобода мысли, ее раскрепощенность, раскованность, ее несводимость к какой-либо замкнутой системе, концепции, претендующей на универсальность. Автор строит свои рассуждения, стараясь избегать редукции; он анализирует феномен человека, не упуская ничего существенного, а также, что особенно привлекательно, описывая непосредственные ощущения человека (это уже чистая психология), которые возникают под воздействием тех или иных явлений.

Важная отличительная черта Канетти – он не навязчив. Подстать рассказчику, повествователю, он превращает изложение в некую смесь историй, случаев, наблюдений, почерпнутых из различных источников (от Плутарха и Иосифа Флавия до современных этнографов, антропологов, психиатров, наконец, пациентов психиатрических клиник). Канетти интересуется главное – природа всего, за что бы он ни брался: природа масс и стай, человеческой паники и мании преследования, природа массовых символов, разнообразных аспектов власти (он называет один из разделов «внутренности власти»), насилия, приказов, парламентской системы и т.д.

Канетти выходит за временные, пространственные, географические рамки, видя в современности лишь одно из звеньев истории развития человеческого духа. В этой книге он попытался осуществить свою давнюю мечту: выявить механизм многовекового взаимодействия массы и власти, двух различных социально-психологических феноменов, во многом определивших трагическое развитие событий в XX столетии.

В поле его зрения жизнь, какой она была до всех религий и философий, животная, не осознающая себя и своей конечности.

Качество, которым должен обладать настоящий писатель и исследователь, отмечал Канетти задолго до начала работы над своей главной книгой, это серьезное стремление к обобщенному знанию о своем времени, стремление к универсальности, которому не могут воспрепятствовать частные задачи, которое ничего не предвосхищает заранее, ни о чем не забывает, ничего не опускает, не ищет легких путей.

Складывается впечатление, что Канетти взялся за самое трудное, но и самое существенное – исследование элементарных мотивов действий и поведения, непосредственно связанных с природой человека, причем, используя слова поэта, доходит «до их причины, до оснований, до корней, до сердцевины».

В отличие от многих своих предшественников и последователей, выдвигавших идею, что тоталитаризм со всей его жестокостью и кровью – явление прежде всего нашего столетия, продукт новейшего времени, Канетти полагает, что корни этого явления всегда были глубоко скрыты в природе человека. XX в. отличается особенно массовой жестокостью лишь по той причине, что значительно возросли его технологические возможности. Этот вывод, хотя прямо и не сделанный в книге, можно прочесть между строк емкого «Эпилога».

Впрочем, вообще о XX в. в «Массе и власти» можно вычитывать лишь между строк, парадоксально, но о нем в книге, собственно, почти ничего не сказано. Разве что несколько упоминаний имени Гитлера. Знакомый с фашизмом не понаслышке (горячее дыхание фашизма ему довелось почувствовать после так называемого аншлюса Австрии в 1938 г., затем он покидает родину и переезжает в Англию), Канетти сознательно дистанцируется от своего времени. Этим он как бы хочет подчеркнуть общий характер явлений политической борьбы, ее универсальность.

Все в книге как бы вне времени и пространства. Время застыло, автор заморозил его; масса и власть находятся под анестезией, а опытный хирург, Канетти, не сомневающийся, уверенный в твердости своей руки, деловито роется во внутренностях своих «героев». Очень редко анестезия ослабевает, и на мгновение «проступает» время, но расторопный врач увеличивает дозу, и время вновь замирает.

Однако не вызывает сомнения, что автор – наш современник. Так бы не могли написать ни в XVII, ни в XVIII, ни даже в прошлом веке. И дело не только в аналогиях и угадывающихся образах реальных лиц нашего времени, но в авторском стиле, который мог возникнуть лишь в эпоху Джойса, Кафки, Борхеса. Этот стиль, гармонично соединенный с глубоко современной мыслью, системой взглядов и представлений, позволил Канетти сказать: «Мне это удалось: схватить наше столетие за горло». Особенно остро удалось ему уловить и воспринять идеи, утверждающие необходимость связи всего, что расстроилось и распалось, – характерная черта австрийского мироощущения времени распада Австро-Венгерской империи, позволившая австрийским писателям и мыслителям раньше других почувствовать общеевропейские истоки

будущих политических, социальных, психологических и иных трагедий (М. Бубер, Р. Музиль, Г. Брех, Й. Рот, К. Краус и др.).

Первую часть книги составляют элементы «массы», вторую – «власти». Эти части состоят из множества разделов (вернее сказать, эссе), собранных в соответствии со строгим, четким авторским замыслом. Канетти исследует повторяемость, уходящую в бесконечность, свойственную всем жизненным процессам, характерную для всех человеческих стай (по определению Канетти, «группа возбужденных людей, жаждущих, чтобы их стало больше»*) и масс. Он наглядно показывает, как это постоянство и повторяемость приводит к образованию поразительно стабильных структур общества. Именно стабильность, по мысли автора, и сделала возможным включение подобных структур в более сложные образования – цивилизации.

Канетти вводит понятие «массовые кристаллы», понимая под ними «маленькие жесткие группы людей», которые имеют четкие границы, обладают высокой устойчивостью и служат для возбуждения масс (с. 81). Удивительно историческое постоянство «массовых кристаллов», вырабатывающих все новые и новые формы, в то время как и старые не уничтожаются, а продолжают жить своей жизнью со всей их спецификой. Эти окостеневшие, престарелые, «пенсионные» группы кристаллов иногда извлекаются «из нафталина» и реактивируются. Едва ли возможны какие-либо крупные политические катаклизмы, в которых бы не участвовали такие «отставные» группы. «Массовые кристаллы» всегда находятся под рукой у истории, когда возникает потребность в незамедлительном собирании масс.

Канетти полагает, что масса обладает следующими четырьмя наиболее характерными свойствами:

1. она всегда стремится к росту;
2. внутри нее господствует равенство;
3. она любит плотность;
4. масса требует определенного направления (с. 34–36).

Для Канетти человеческая масса есть в буквальном смысле масса физическая, толпа; возникновение такой толпы – «толпотворение» – для него всегда «столпотворение», в отличие от многих других исследователей масс, видящих в ней нечто организованное, публику. Масса, в его понимании, – это доличностное, звериное начало, некий вид энергии, который есть древнейшая движущая сила человека; это энергия всеобщей взаимосвязи, закон слияния с природой, с людским сообществом. Если этот закон нарушается, то происходит то, что с человечеством и произошло – превращение осмысленного в бессмысленное. В этой массе автор не видит социального индивида, в этой массе индивид – лишь тот, кто становится властью.

Феномен толпы известен с давних времен, хотя впервые был зафиксирован в XIX столетии французским социальным психологом Гюставом Лебоном в книге «Психология народов и масса» (опубликована в 1889 г.). Подход Канетти к массе отличен от

* Канетти Э.
Масса и власть.
М., 1997. С. 105.
Далее в тексте
будут указываться
только страницы
данной книги.

традиционного. Его не интересуют стойкие социальные образования, «нормальные» общественные связи, то есть то, что, как правило, изучают академически мыслящие социологи и психологи. Он отвергал экономические, социальные, политические факторы, лежащие, как полагают многие марксистские исследователи, в основе рождения масс.

В книге Канетти масса не представлена как социальный феномен (этот аспект проблемы остается за скобками), достаточно глубоко и подробно исследованный З. Фрейдом, Г. Лебоном, Г. Тардом. В этом смысле для Канетти толпа вовсе не «средний человек», как для Х. Ортеги-и-Гассета³, или «социальное животное, сорвавшееся с цепи», как, например, для современного французского политолога Сержа Московичи⁴, а вождь не то, что для Ж.Мишле – «согласие народа в одном человеке»⁵.

Кроме массы и власти в книге есть еще и третий «герой», не менее, а, может быть, и более значимый, чем два первых. Что заставляет людей сбиваться в стаю, что, в конечном счете, побуждает их не «выпадать» из массы и подчиняться власти? Переводчик книги Канетти и автор предисловия Л.Ионин справедливо указывает на присутствие чрезвычайно важного посредника, придающего динамизм взаимодействию массы и власти, двух основных агентов истории. Этот посредник – смерть. Именно в силовом поле смерти и происходит взаимодействие массы и власти. «Смерть, – пишет Ионин, – это то, чем “питается” власть, что служит главным стимулом и средством ее развертывания, усиления, самореализации. Власть – это то, что паразитирует и разбухает на смерти»⁶.

Власть держится на смерти, на миллионах смертей. Человек панически ее боится, и одна из лазеек, через которую он может попытаться ускользнуть от нее и выжить, – это власть. Канетти неоднократно подчеркивает, что момент выживания – это момент власти. Простейшая форма выживания – убийство. Автор полагает, что живому человеку присуще «чувство возвышенности над мертвыми», знакомое тем, кто воевал и убивал (с. 246).

Смерть является воплощением всех опасностей, а первейшим и решающим признаком властителя – право распоряжаться жизнью и смертью; настоящие же его подданные – это те, кто позволяют себя убивать (с. 250–251).

Люди обычно во власти видят множество преимуществ; это лежит на поверхности, и многие исследователи анализируют именно эту, видимую часть айсберга. Канетти пытается рассматривать процесс «подводный», показывая и доказывая, что все его фазы, осознанные и полуосознанные, глубоко «отпечатываются в душевном строении» (с. 229). Поэтому-то в книге множество обращений к предыстории человека и его ранней истории, к устойчивым схемам поведения человека, патологическим нарушениям его психики.

Так, к неотъемлемым чертам «внутренности власти» Канетти относит множество самых элементарных человеческих побуждений и

³ Ортега-и-Гассет Хосе. Восстание масс //Хосе Ортега-и-Гассет. Избранные труды. М., 1997. С. 45.

⁴ Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1996. С. 28. См. также: Арендт Ханна. Истоки тоталитаризма. М., 1996.

⁵ Московичи С. Указ. соч. С. 30.

⁶ Ионин Л. О Книге и ее Авторе// Канетти Э. Массы и власть. М., 1997. С. 9–10.

действий: хватательные и глотательные движения, поглощение и переваривание пищи, инстинкт охотника и т.д., находя в них «глубоко запятанный процесс власти» (с. 229). Все это, полагает он, настолько естественный, неосознанный, само собой разумеющийся процесс, что важность его, как правило, недооценивается.

Может быть, из-за этого обращения Канетти к элементарным, рудиментарным явлениям человеческой природы, его книга на первый взгляд кажется очень простой и доступной; однако, вчитавшись, начинаешь постепенно осознавать глубину и тонкость авторского замысла, замечать многослойность текста, дающего возможность (в зависимости от подготовленности самого читателя) погружаться на разные уровни архаической глубины человеческой природы, человеческого сознания. Канетти как бы прокладывает дорогу между старой философской антропологией и новейшей философией, ощущающей исчерпанность стандартных мыслительных схем.

Формы воздействия власти на массу многообразны. Одна из них – приказ, которому Канетти уделяет немало внимания. Власть приказа, исходящая от более сильного, не допускает сомнений; обретя признание, она остается таковой надолго. Очевидно, что приказ особенно весом при тоталитарном режиме, хотя Канетти о приказе говорит без всякой взаимосвязи с политическим характером того или иного режима. Для него интерес представляет генезис приказа, к которому человек привыкает с детства и из которого состоит существенная часть того, что именуется добропорядочным словом «воспитание».

«Приказ» – весьма важная глава в книге Канетти, она соединяет два элемента – «массу» и «власть». Для автора нет загадки в том, почему мирные люди вдруг преображаются в варваров и дикарей. Причину такого превращения он видит в природе приказа. От каждого приказа, который людям приходится выполнять, в них остается жало. Оно «живет в своем носителе как чуждая инстанция и освобождает его от всякого чувства вины. Виновный винит не себя, а жало, чуждую инстанцию – настоящего виновника, которого он всюду носит с собой» (с. 357). Приказ живет в человеке как жало, он как бы становится неотступным свидетелем того, что *не он* совершал преступления. Сам же виновный видит *себя* жертвой приказа, действующего на уровне подсознания, ибо он древний как мир, он старше, чем язык, иначе его не понимали бы собаки. «Дрессировка животных заключается как раз в том, чтобы они, не зная языка, научились понимать, чего от них хочет человек» (с. 325).

Разум сопротивляется соглашаться с этими доводами, по сути, оправдывающими участников гибели миллионов и миллионов людей, но нельзя не отдать должное глубине постижения проблемы «масса–власть». Канетти поднимается до вершин гуманизма, выводя из категории виновных простых людей, которые не в силах противостоять инстинкту «повиновения приказу».

Последнее как раз непосредственно связано с тем, что Канетти называет «превращением». Это одна из важнейших категорий философских истоков писателя. В его интерпретации «превращение» можно понимать как раскованность, раскрепощение человеческого сознания, способность войти в чье-то положение, представить себя иным, некий дар понимания другого существа, природы, мира, окружающего нас. В своей автобиографии, написанной задолго до «Массы и власти», он пишет, что его еще совсем в ранние годы начал занимать вопрос о развитии возможности сопереживания, о множественности «я». Именно умение стать другим дает человеку чувство свободы. «Преобразование», таким образом, Канетти истолковывает как потребность человека в свободе, не скованной запретами со стороны общества. В этом нет ни капли анархизма, свобода для него – всемерное утверждение личности.

Зачаточные формы «превращения» он видит в предчувствиях, которые наглядно представлены в мифах австралийских племен аранда и лоритья, легендах бушменов – ценнейших документах ранних эпох человечества. Так, бушмены знают о том, что к ним приближается незнакомый человек, которого они еще не могут ни видеть, ни слышать; сын ощущает рану отца именно в той точке тела, где ощущает ее отец; муж чувствует боль в плечах от лямок, на которых жена несет ребенка и т.д.

Способность человека в разное время быть то одним, то другим, а потом вновь самим собой, по мнению Канетти, явление огромного значения. Большой интерес для него представляет «превращение» как бегство с целью спасения от врага, а также «превращение», связанное с душевной болезнью – манией.

Душевная болезнь состоит в тесном родстве с властью, что прослеживается по многим параметрам; Канетти называет их «близнецами». В книге особенно много места уделяется паранойе. Автор не задается ясным для него как день вопросом, были ли параноиками Гитлер и Сталин, он смотрит в корень, его интересует природа власти как таковая. Рассматривая связку «власть–паранойя», Канетти обращается к тому, что он называет «запретом на превращение», представляющее собой весьма важное социальное и религиозное явление.

Наиболее значимыми среди всех «запретов на превращение» являются запреты социальные. Любая иерархия, сословность возможны только при наличии таких запретов, не позволяющих представителям низших классов чувствовать себя равными или близкими классу высшему. Всеми способами (законы, предписания, правила и т.д.) затрудняется переход из низшего класса в высший. Этот переход возможен лишь через посредство особых инициаций, которые при этом воспринимаются как превращение в собственном смысле слова. Нередко у примитивных народов этот переход рассматривается так, будто человек умирает в низшем классе и пробуждается к жизни в более высоком.

Преобразование предполагает трудный, долгий и опасный путь. Даром оно не дается: кандидат должен пройти всевозможные испытания и проверки. Наиболее жестко разделение классов проводится в кастовом

обществе, которое, по существу, исключает любое социальное превращение. Все сказанное, естественно, лишь в самом отдаленном виде характеризует современное западное общество. Но даже и отдаленный намек на превращение весьма значим для Канетти, ибо его интерес, подчеркнем еще раз, находится в сфере эмбрионного, зачаточного, сущностного.

В данном контексте превращений властитель представляет собой статичное явление, ему запрещено собственное превращение, хотя от него исходят многочисленные приказы, ведущие к превращениям других. Этот образ определяет и современные представления о природе власти. Властитель неизменен, пребывая высоко, в определенном и постоянном месте. Он не может спуститься вниз, но может вознести вверх или опустить вниз любого из подвластных ему людей. «Он превращает других, возвышая или унижая. То, что не может случиться с ним, он совершает с другими. Он, неизменный, изменяет других по своему произволу» (с. 410). Канетти дает сущностную характеристику властителя в чистом, даже можно сказать, чистейшем, стерильном виде, не останавливаясь на частностях и деталях, которые могли бы хоть в малейшей степени поколебать его концепцию.

Канетти наделяет своего «лабораторного» правителя и властелина такими признаками, как единственность, изолированность, дистанцированность, «образцовость» для других и «драгоценность» с точки зрения массы.

Для прояснения связи власти с душевной болезнью – эта мысль одна из центральных в книге – Канетти находит яркий пример в лице душевнобольного, который, к счастью для человечества, обладал властью только в своих грезах и мечтах. С этой целью автор использует такой любопытный и уникальный в своем роде документ, каким являются «Памятные записки нервнобольного», опубликованные в 1903 г. и принадлежащие находившемуся некогда на посту президента дрезденского сената Д. Шреберу. Автор этих необычных записок, ранее работавший судьей, несомненно был человеком умным и образованным, ему трудно отказать в своеобразной логике мышления, к тому же он был явно не лишен литературных способностей. Семь лет Шребер провел в психиатрической лечебнице, в которой ему был поставлен диагноз паранойя. Впоследствии он явил миру свои записки, в которых в мельчайших деталях описал свою безумную систему мыслей. Он был настолько уверен в том, что они, его мысли, важны и необходимы человечеству, что без ложной скромности предал свои заветные записки гласности.

Книга Шребера дает возможность Канетти исследовать не столько внутренний мир отдельно взятого больного, сколько рассмотреть природу паранойи, во многом совпадающую, с его точки зрения, с внутренним миром любого властителя. Для стопроцентного параноика Шребера верховным принципом является мировой порядок, который

выше всего, даже Бога. О своем человеческом теле он пишет так, будто это мировое тело. Он всегда стремится защитить и обезопасить свою исключительную позицию. В соответствии с самой природой власти, властитель ведет себя так же и в субъективном ощущении своей позиции, мало чем отличаясь от параноика.

Для последнего важную роль играет конспирация, тайный сговор. Параноик постоянно чувствует себя в поле зрения замаскированного врага, а потому всегда начеку и готов разоблачить его. Параноик прозорлив и подозрителен – от него никто и ничто не может укрыться. Ему кажется, что все вокруг притворяются, интригуют против него, даже самые близкие друзья, они-то, может быть, и есть его злейшие враги.

Другим характерным признаком паранойи – психиатры именуют его диссимуляцией – является притворство. Параноик склонен к притворству, причем делает это так искусно, что о его болезни подчас очень трудно догадаться.

Безумие параноика представляется Канетти «точной моделью политической власти». Любая попытка ее понятийного анализа, по его мнению, может повредить ясности параноидального созерцания. «В нем (в этом созерцании), – замечает Канетти, – содержатся все элементы реальных отношений: сильное и непрерывное притягивающее воздействие, заставляющее индивидов собираться в массу; сомнительность их намерений; их связывание, когда они уменьшаются, становясь частью массы; их исчезновение во властителя, воплощающем политическую власть своей персоной, своим *телом*; его величина, которая, таким образом, должна непрерывно обновляться; и, наконец... связанное с ним ощущение *катастрофичности*, угроза мировому порядку, которая обретает собственную притягательность именно по причине этого резкого и неожиданного возрастания» (с. 471–472).

Исследуя сознание и подсознание параноика, Канетти приходит к выводу, что у него можно обнаружить целую политическую систему, лежащую в сокровенном ядре его идей. В его представлении, он – властитель, в его державе есть провинции, партии, организации. Все его интересы направлены на усиление собственной власти и устранение врагов.

Он действует именем Бога во имя избранного народа, а избранным народом в случае Шребера выступают немцы, которым со всех сторон угрожает смертельная опасность. Будучи протестантом, Шребер видит врага прежде всего в лице католиков. Поэтому он вначале символически расправляется с католицизмом, с корнем выкорчевывая эту «ересь». Затем в поле его безумия попадают евреи, потом – славяне, которых также не минует его «правый суд». Весь этот кровавый период «Божьего суда» у Шребера точно датирован. «Святое время» пришлось на 1894 г., именно в тот год он восславил Господа своими героическими победами, усеяв землю горами трупов.

Нетрудно заметить, что ядром идеи Шребера была, в сущности, идея политическая, замещенная на мессианстве. Автор «Памятных записок» во многом оказался впереди своего времени. Нельзя отрицать, что буквально через несколько десятилетий после опубликования шреберовского бреда политическая система параноика оказалась возведенной в высшее достоинство на его родине, где воинственный властитель претворил в жизнь грезы Шребера. Под руководством его верного последователя эта система стала инструментом уничтожения миллионов.

«Неоспоримый факт» почти полной идентичности двух систем – шреберовской и гитлеровской – оправдывает (во всяком случае в контексте книги Канетти) то, что на основе одного случая паранойи делаются далеко идущие выводы. Для Канетти «паранойя – это, в буквальном смысле слова, болезнь власти».

Согласимся с автором лишь с одной поправкой, что речь здесь, очевидно, должна идти о власти диктаторской, тоталитарной. В нескончаемых спорах относительно того, были ли параноиками Гитлер и Сталин (классические примеры властолюбцев XX в., сеявших массовую смерть и разрушения), свидетельства из книги Канетти и его собственные суждения на этот счет могут служить лишним доказательством, подтверждающим подобное суждение.

Видя в параноике точную копию властителя, Канетти замечает между ними разницу лишь в одном – в их позиции по отношению к внешнему миру. Параноик, в отличие от властителя, самодостаточен, отсутствие успеха на международной арене его мало волнует. Он в одиночку противостоит всему человечеству. Но каждой паранойей и каждой властью, считает Канетти, «управляет одно единственное стремление: убрать всех с пути, чтобы остаться единственным, или – в более мягкой и чаще встречающейся форме – подчинить всех себе, чтобы стать единственным с их помощью» (с. 496).

У Канетти глобальный взгляд на мир, человечество, политическую структуру. Будущее мира, насколько можно сделать вывод из прочитанного, он видит в образовании гигантских «двойных масс», называющих себя по именам сторон света – Восток и Запад. Они вбирают, всасывают в себя все, что поддается их влиянию; все то, что остается неохвачено ими, не имеет более или менее значимой роли с точки зрения этого противоборства – оно бессильно и мало.

В современном ему человеке (еще до прихода к власти фашизма в Германии) Канетти разглядел весьма опасные задатки: моральную безответственность, агрессивность, стандартность поведения, покорность. Дезориентация сознания человека, не способного правильно оценить и осознать изменения в социальной и политической жизни, приводит к утрате чувства реальности, ощущению хаоса, распаду связей человека с миром, человека с человеком.

Тема «ослепления общества» стала буквально лейтмотивом всего творчества Канетти. Понятие «ослепление» было одним из основных в одноименном романе, написанном еще в 1931 г.; им пронизаны пьесы и,

конечно, исследование «Масса и власть». Ослепленным в современном (и не только современном) обществе оказывается не только индивидуум, не способный уяснить свое место в системе социальных связей, но и все человеческое общество, предавшее забвению высшие идеалы в погоне за материальным достатком, техническими достижениями и т.д. «Наша так называемая борьба за существование – это не в меньшей мере, чем за пищу и любовь, борьба за то, чтобы убить массу в нас самих, – пишет Канетти. – Порой она становится настолько сильна, что толкает индивидуум на самоотверженные или даже противные его интересам поступки. Уже давно, еще до того, как придумали это разжижающее понятие, “человечество” существовало в виде массы. Чудовищное, дикое, могучее и жаркое животное, она бродит в нас всех, она бурлит в глубинах, куда более глубоких, чем материнские»⁷.

⁷ Канетти Э.
Ослепление.
СПб., 1995. С. 486.

Канетти писал свою книгу еще в период острого противостояния двух систем, поэтому под борьбой Востока и Запада он, очевидно, понимал противоборство между социализмом и капитализмом, породившее в мире апокалипсический страх перед смертоносной войной, чреватой уничтожением человечества.

Впрочем, автор не совсем разделяет такие опасения. Ему представляется, что у войны, по крайней мере глобального характера, нет будущего. «Война как средство быстрого приумножения, – пишет он, – исчерпала себя взрывом архаики в Германии времен национал-социализма и, как теперь можно быть уверенным, исчезла навсегда» (с. 499).

Хотелось бы верить пророчествам Канетти, тем более что самые последние события, произошедшие после его смерти (Канетти умер в 1994 г.), кажется, подтверждают правоту его слов. Мир (или перемирие), заключенный между «Востоком» и «Западом», по крайней мере, отдалают весьма нежелательную перспективу, некогда маячившую перед народами земного шара. Но залогом уверенности в завтрашнем дне служит для Канетти не человеческий разум, не осознание человеком опасности самоуничтожения, а склонность каждой страны «охранять свое производство зорче, чем своих граждан» (с. 499).

Что имеет в виду Канетти? В современном мире власть находится в руках производства, многообразие и скорость его развития не дают возможности человеку остановиться, оглядеться по сторонам. Даже всепожирающие войны XX в. не были в состоянии затормозить процесс производства. «Если существует такая вера, в которую один за другим внали все жизнелюбивые народы Земли, – пишет Канетти, – то это вера в производство, современный *fiat* приумножения» (с. 498).

Производство требует все большего и большего количества людей; чем больше производится продукции, тем большая наблюдается потребность в потребителе. Сбыт превращает все человечество в потребителей и в этом смысле его можно сравнить (хотя бы только внешне) с универсальной религией, для которой важна каждая душа. Именно потому, что производству нужно больше людей, уничтожение их идет

производству во вред. Это-то и приводит Канетти к следующему выводу: «Война явно отмирает, можно было бы предсказать ее скорый конец» (с. 499).

Но вывод этот вовсе не окончателен. «Можно было бы», а не «можно» – Канетти не оговаривается, употребляя сослагательное наклонение. Его не оставляют сомнения, перерастающие в опасения. Природа человека – вот, что вызывает в нем эти чувства. Суть этих опасений лежит, собственно, в основе всей его книги. Если бы не было этих опасений, пожалуй, не было бы смысла ее писать. Один-единственный человек, способный уничтожить добрую часть человечества – вот, что страшит Канетти. Противоречие между его «единственностью» и тысячами и тысячами тех, кого он уничтожает, – вот, что автор не в силах осмыслить и что не дает ему возможности с оптимизмом смотреть в будущее.

Бросается в глаза «надуманность», «натянутасть» ряда выводов Канетти, некоторая «вольность» в обращении с научной терминологией, порой кажущаяся несовместимостью академизма и беллетристики, присутствующая в тексте. Также нельзя не признать, что он решительно недооценивает влияние экономических и социальных факторов. Более того, Канетти пытается доказать, что тип людей, составляющих массу, их принадлежность к культуре, классу и т.д. не имеет никакого значения для коллективных действий. К тому же исследование психологии масс по методу Канетти имеет тенденцию к занижению интеллектуальной и человеческой ценности масс. Кроме того, и это также представляется весьма существенным, этот метод, по сути, игнорирует исторический процесс как таковой.

При всем этом с автором не хочется полемизировать, и вовсе не потому, что нет оснований для полемики – их, как видно, достаточно, а потому, что феномен Канетти находится вне стандартных координат и представляет собой явление универсальное, а также, прежде всего, потому что история человечества XX (и не только XX) в. в целом во многом подтверждает его концепцию. Процесс познания мира Канетти носит сугубо этический, нравственный характер, гуманистические ценности становятся основным инструментом его социологического, философского и политологического анализа, хотя он и оценивает свое время с позиций вневременных, в значительной степени утопических.

Канетти неожиданно оказывается очень близким нам, современным россиянам. Его восприятие мира созвучно многому из того, что переживаем сейчас мы. О чем бы ни писали лучшие представители австрийской мысли между двумя войнами, кем бы они ни были – социологами, политологами, историками, писателями или поэтами, – они зеркально отражали период распада империи, причем не просто распада некоего изжившего себя искусственного объединения стран, а конец целой эпохи. Их произведения – не исключая «Массу и власть» – были своеобразной реакцией на трагическое столкновение человека со вздыбленным, непонятым, полным опасных противоречий миром.

Поэтому на них часто лежит печать расщепленности, разорванности человеческого поведения, непоследовательности его поступков, граничащей с неадекватностью. Повсюду в Европе менялись тогда порядки, ломались устои, но нигде столь основательно, как в Австрии, не считая, конечно, послеоктябрьской России.

Знакомство читателей нашей страны (хотя и явно запоздалое) с произведением Канетти пришлось на бурное время мощного выброса социальной энергии в России, появления на политической авансцене множества различного интеллектуального и нравственного уровня властолюбцев, использующих в корыстных интересах настроения масс.

Канетти свято верил в силу слова. Именно поэтому он опасался, что издание его книги в России может оказаться преждевременным, по крайней мере пока здесь не наступит политическая, социальная и экономическая стабилизация. «Для Канетти – власть – не дискурс власти, – замечает по этому поводу Л. Ионин, – а прямая и ощущаемая реальность переживания, точно так же, как масса, смерть, выживание и другие категории, которые он использует в книге»⁸.

Позиция Канетти может показаться наивной, простодушной, старомодной. Кто в наши дни верит в волшебную силу искусства?! Но этим он и отличается от большинства своих современников. Уповая на силу слова, Канетти надеялся фактом существования своей книги оказать вполне конкретную пользу человечеству.

⁸ Ионин Л.
Указ. соч. С. 15.